

ДЕКОЛЬТЕ С ПОЛЕВЫМИ КОЗЯВКАМИ

Я не нахожу его особенно язвительным. Он умел быть изысканным и элегантным, потому что настоящая изысканность требует равнодушия. У него есть острые определения, и он бывает остроумным, но я не люблю его. В основном как раз за равнодушие и систематичную физиологичность. За легкую отвратительность. Она витает между строк, и иногда ее не ухватишь цитатой. Он напоминает мне Пруста, в которого погружаешься как в трясину, все глубже и глубже. Его романы похожи на жизнь террариума, наблюданную через плексиглас: и теплом веет, и видно вроде хорошо, а вот – нет чувства сопричастности. Но это и не всем нужно, я понимаю. Я отдаю должное его литературному мастерству: mestами он достигает настоящей виртуозности, но все это такое холоднокровное. И еще мне кажется, что в его англоязычных текстах чувства куда больше. Такого сдержанного, чисто английского юмора. Английского understatement. Может быть, это иллюзия, ведь английский мне не родной. Но, как явление в литературе, Набоков, застрявший в расщелине между двух языков, уникален.